

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Амурский государственный университет»

**МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРОВ**

сборник учебно-методических материалов
для направления подготовки 39.04.02 – Социальная работа

2017 г.

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
факультета социальных наук
Амурского государственного
университета

Составитель: Еремеева Т.С., Щека Н.Ю.

МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНДИКАТОРОВ: сборник учебно-методических материалов для направления подготовки 39.04.02 Социальная работа. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 20 17.

Рассмотрена заседании кафедры социальной работы

19.06.2017, протокол № 10.

© Амурский государственный университет, 20 17

© Кафедра социальной работы, 2017

©Еремеева Т.С., Щека Н.Ю.,составление

СОДЕРЖАНИЕ

1. Краткое изложение лекционного материала	4
2. Методические рекомендации (указания) к практическим занятиям	15
2. Методические указания для самостоятельной работы студентов;	16

1. КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛЕКЦИОННОГО МАТЕРИАЛА

Раздел 1. Социальные индикаторы: теоретико-методологические основы

Лекция 1. Введение в дисциплину

Цель – обзор теоретико-методологических основ изучения социальных индикаторов.

Задачи: введение в предмет; анализ степени изученности тематики; рассмотрение различных подходов; характеристика теорий.

Ключевые понятия/термины: анализ, метод, корреляция, данные, показатель, индикатор.

Индикаторы как показатели состояния социальной группы, социальной ситуации, института, построенные на концептуальной базе. Простейший индикатор учебного характера – тест на остаточные знания у студентов (проведение и обработка в аудитории силами студентов, обсуждение концепции и результата). Реальные примеры международных наиболее распространенных социальных индикаторов из практики ООН, OECD, индикаторы качества жизни, человеческого развития. Элементарные определения социальных индикаторов. Социальный индикатор как результат измерения в рамках социальных теорий различного типа, в рамках различных моделей размышления и оценки. Социальные индикаторы как результат концептуализации и установления эмпирических коннотаций и, наоборот, концептуализации того, что было обнаружено как социальный факт, как данность в ощущениях. Простейшее определение – социальный индикатор есть показатель для диагноза состояния благополучия (благосостояния) той или иной части социума и социума в целом. Социальные индикаторы – характеристики системы и ее акторов.

Движение за социальные индикаторы в связи с активным становлением в мире социальной политики.

Измерение — неперенный атрибут любой деятельности и любых действий людей в обыденной жизни и в научных исследованиях. В быту мы редко задумываемся над основаниями и техникой измерений. На вопросы социологов: у кого и чего больше (меньше) было (будет), насколько удовлетворенность чем-то выше (ниже), насколько здесь лучше (хуже), чем там, счастливее (несчастнее) теперь (раньше), здесь, чем в ином месте — отвечают практически все. Исследователи во всех сферах жизни общества измеряют все, что поддается измерению, публикации изобилуют цифрами. Но как, с помощью чего, на каких фундаментальных основаниях производятся все эти измерения и сравнения — об этом задумываются немногие, публикации на такие темы редки.

Показатели – это данные, получаемые в ходе какого-либо действия, процесса и позволяющие судить о нем.

Индикатор – доступная наблюдению и измерению характеристика изучаемого объекта, позволяющая судить о других его характеристиках, недоступных непосредственному исследованию.

Индикатор (от позднелат. *indicator* - указатель) м. 1) Прибор, устройство, отражающие изменение параметра какого-л. процесса или состояния, характерного для какого-л. объекта наблюдения. 2) Вещество, меняющее некоторые физико-химические свойства среды (цвет, люминесценцию и т.п.) в присутствии в ней определенных компонентов (кислот, нитратов, ртути и т.п.). 3) перен. Кто-л., изменением своего состояния, поведения свидетельствующий о развитии каких-л. процессов.

Для их определения исследователи предлагают, взять за основу два принципа: универсальный подход в определении критериев (каждый критерий должен подходить к детям всех возрастов независимо от пола, физических данных и прочих признаков); среднестатистический уровень. Таким образом, Маллер А.Р. в своей работе определяет общие критерии, которые можно описывать, определять шкалу оценки, складывать, соотносить и производить иные действия.

Состояние национальной экономики анализируется с помощью набора макроэкономических показателей, часто называемых макроэкономическими индикаторами. Большинство из них берется из СНС.

Ведущие индикаторы. Прежде всего это динамика ВВП, т.е. агрегированный рост (сокращение) сферы материального производства (промышленности, сельского хозяйства, строительства) и сферы услуг (особенно торговли и транспорта).

С динамикой ВВП тесно связаны и другие макроэкономические индикаторы, особенно норма безработицы и размеры инвестиций. Более того, последние во многом определяют будущую динамику ВВП. Обычно быстрый или медленный рост ВВП сопровождается соответствующей динамикой доходов населения.

Финансовые индикаторы. Эта группа показателей свидетельствует о состоянии дел в финансовом секторе, хотя оно определяет и положение дел в реальном секторе. Прежде всего это такие показатели, как уровень инфляции, размеры дефицита бюджета, размеры и динамика денежной массы, учетная ставка, а также индекс (индексы) фондового рынка

Внешнеэкономические индикаторы. Состояние внешнеэкономической сферы во многом определяется сальдо внешней торговли (разницей между экспортом и импортом), сальдо платежного баланса и стабильностью обменного курса национальной валюты.

Среди специалистов в области социальных индикаторов нет единого представления о том, каким было начало социальных индикаторов. Некоторые считают, что первыми были публикации по социальной статистике, возраст которой — более 400 лет. Другие склонны относить рождение движения в сторону социальных индикаторов к дате издания первого социального доклада, подготовленного итальянским психологом и социологом (первоначально — врачом) Niceforo, автором книги по «измерению жизни» и первого социального доклада (начало XX в.).

В начале 1960-х годов Национальная академия наук США выполняла заказ Национального комитета по аэро- и космической навигации (NASA), который интересовался возможными (в том числе и отдаленными) последствиями реализации космической программы для США. В работе группы, возглавлявшейся социологом Р. Бауэром (R.A. Bauer), выявились серьезные затруднения из-за нехватки социальной информации. Результатом их работы был специальный доклад, а в 1966 г. под редакцией Бауэра была издана обширная монография «Social Indicators», способствовавшая быстрому распространению увлечения социальными индикаторами во всем мире. Это увлечение получило название «движения за социальные индикаторы».

В те же годы последовало множество других публикаций по социальным счетам, в которых предпринимались попытки расширить методологию анализа типа «затраты-прибыль», уже хорошо известных и методологически проработанных в Национальных счетах производства и доходов, за пределы чисто экономических вычислений в рыночном аспекте. Тогда же в администрации президента Джонсона появился новый Социальный комитет советников, составивший конкуренцию Экономическому комитету советников и претендовавший на столь же серьезную роль в администрации президента.

Результатом всего этого в 1970-е годы стало учреждение Центра социальных исследований по координации работы с социальными индикаторами (Social Science Research Council Center for Coordination of Research on Social Indicators), публикация федеральным правительством обширных данных в форме социальных индикаторов, поддержка исследований в этом направлении. Начал выходить специальный журнал «Social Indicators Research», социальные индикаторы были приняты в качестве аналитического инструмента международными организациями, такими, как ООН и OECD. В 1980-е годы финансирование этих работ в США несколько сократилось из-за ограничений правительственных издержек и некоторого разочарования политиков, рассчитывавших получить от использования социальных индикаторов больше выгоды. Разочарование, как отмечают исследователи, было в значительной степени следствием упрощенного подхода к социальному анализу участников движения за социальные индикаторы, особенно в попытках применения причинного анализа.

Однако примерно в это же время и несколько позднее социальные индикаторы стали широко использоваться в Великобритании и Германии.

Примерно в те же 1960—1970-е годы похожий процесс происходил и в СССР. Сугубо ресурсное отношение к гражданам страны со стороны государства и его аппарата при попытках тотального регулирования на основе априорных моделей и представлений заводило экономику в предвидимый тупик монополизма.

Ощущение близости этого тупика у многих исследователей и практиков появилось задолго до краха самой системы, в начале 1960-х годов, т. е. в период так называемой оттепели. Однако из-за продолжающегося господства марксистской идеологии в странах с коммунистическим режимом развивалось сравнительно идеологически безопасное социальное планирование. Первые же работы, опубликованные в этом направлении, отчетливо располагались в рамках движения за социальные индикаторы [Тощенко 1971], [Лапин и др. 1975]. Так же как и Ф.М. Бородкин американские социологи, советские специалисты говорили об ограниченности подхода к целеполаганию и анализу проблем развития социума и его подсистем на основе знания только экономических характеристик ситуации. Внешне сохраняя марксистские позиции, провозглашая классовый конфликтный подход, советские социологи тем не менее, ведая об этом или не ведая, с некоторым запозданием шли по следам или рядом со следами уже опубликованных теоретических работ, докладов и отчетов. Отличие советского пути от американского заключалось в том, что в СССР инициаторами движения оказались заводские социологи как подвергавшиеся наименьшему идеологическому давлению.

Первые шаги в социальном планировании были сделаны на пермском телефонном заводе и на ленинградском объединении «Светлана» [Лапин и др. 1975]. В конце 1960 — начале 1970-х годов социальное планирование распространилось по стране и охватило все производственные и территориальные уровни — от первичных производственных коллективов до министерств и общенациональных ведомств, от поселков до страны в целом. Социальное планирование в течение нескольких лет стало обязательной процедурой государственной службы.

Однако в середине 1980-х годов это увлечение начало постепенно стихать, а в России (в постсоветский период) социальное планирование вообще исчезло.

Социальные индикаторы превратились в объект рутинной планово-статистической деятельности во всем цивилизованном мире. Некоторый всплеск активности в новой деятельности произошел в том же направлении — в поиске и освоении возможностей анализа обобщающих характеристик социальных ситуаций национального и субнационального (регионального) масштабов. Появилось большое семейство индикаторов (индексов) «человеческого развития» или — сокращенно — ИЧР, включающее в себя разнообразные индикаторы здоровья нации, развития образования, демографические и другие социальные характеристики. В западных странах на эту тему опубликовано много как академических, так и технико-методических работ. В эту работу включились и международные неправительственные организации ООН, ЮНЕСКО, OECD и научное сообщество России. Сейчас в России выходит публикация за публикацией под флагом человеческого развития и по ИЧР. Термин «социальные индикаторы» в последние годы вошел и в публикации Госкомстата России

В современном социальном мире можно отметить коренные изменения в четырех областях:
в технологиях;
в производстве;
в экономике;
в социальной сфере.

Во-первых, в последние 50—60 лет изменилась технология всех процессов хранения, передачи, переработки информации. Появились и получили мощное развитие информационные технологии. Они стремительно и мощно проникли даже в быт. Одновременно и благодаря этому меняется вся система коммуникаций. Мир накануне революции и в энергетической технологии.

Во-вторых, неузнаваемо изменилась материальная основа всего, что производится, организация самого производства, его распределение по земному шару.

Например, кухни, продаваемые в Москве сетью магазинов ИКЕА, производятся формально шведской корпорацией, интегрируются на складе в Польше, закладные детали для них изготавливаются чуть ли не в десятке разных стран мира, некоторые деревянные части делаются в

Финляндии, некоторые — в России, предметы комплектуются по заказу покупателя из любой страны, где торгует эта фирма.

В-третьих, во всех промышленно развитых странах произошла переориентация социально-экономических систем.

Последние примерно двести лет прошли под знаком борьбы моделей развития социума, которые размещались между двумя предельными по характеру, крайними — социо-анархистской и социо-монархистской.

Социо-анархистская модель не признает никакого постороннего контроля, кроме договора в чисто рыночном обмене, регулируемом исключительно конкуренцией при условии отсутствия каких-либо монополий.

Социо-монархистская модель имеет в виду полный контроль над производством и централизованное распределение всех без исключения благ.

Конечно, эти модели разрабатывались в чистой теории. Социальная практика пыталась реализовать, с одной стороны, так называемую либеральную модель, минимизирующую вмешательство в социально-экономическую жизнь любого агента, угрожающего монополизмом. С другой стороны, предпринималась попытка реализации социальной модели, устанавливающей «справедливое» централизованное распределение всего, что только можно распределять. Где-то ближе к центру расположилась модель ограниченного вмешательства в распределение благ агента, которому такое вмешательство вменяется через специальные доверительные процедуры.

Человечество «попробовало» реализовать модели почти по всей оси, от крайнего либерализма до крайне государственной и даже личной «социально справедливой» диктатуры.

Крайне социо-монархистское направление воплотилось в жизнь в форме фашистских и коммунистических режимов, крайне либеральная модель опробовалась в США.

Социо-монархистская модель была полностью дискредитирована сначала в странах с фашистским, а затем и в странах с коммунистическим режимом. Этот опыт оказался для человечества трагичным и дорогим.

В точном соответствии с либеральной моделью все, что может производить какую-либо выгоду, нечто покрывающее и оправдывающее затраты, должно иметь возможность превращаться в производящий капитал. На основе этого соображения родились модели и теории капитализации свойств индивидов, институтов, сетей отношений, а также концепции их измерения. Постепенно формировался так называемый «экономический империализм», ставящий все на службу эффективности экономики, рынку. Он имел хорошие исторические основания, утверждая, что основой благополучия может быть только развитая экономика.

Это направление сегодня продолжает экспансию на территории, где пока что еще не ясны возможности определения экономических эффектов.

Наконец, парадигмы центральной части этой оси воплощаются во многих европейских странах (Скандинавские страны, ФРГ, Италия, Франция и другие), в Канаде. В эту сторону направилось и развитие США. На протяжении примерно 25—75 лет страны как бы дрейфуют вокруг центральных парадигм, приспособливая к этому дрейфу и практику, и теорию социального наблюдения.

В-четвертых, социальная сфера вышла далеко за границы, которые ей определялись, скажем, даже лет двадцать назад. Примерно в течение последних 25 лет окончательно сформировалось представление о необходимости борьбы с так называемой социальной эксклюзией, под которой понимаются ситуации, когда люди не имеют возможности реализовать свои права, гарантированные им законами своей страны и международными соглашениями и договорами. Это резко изменило представление вообще о социальных правах граждан. Например, даже десять лет назад никому из российских граждан и в голову не пришло бы потребовать возмещения вреда, причиненного террористами в результате нападения, не от нападавших, а от правительства как не выполнившего взятые на себя обязательства обеспечивать безопасность граждан, используя собираемые с них налоги. В социальную сферу начинает включаться вся жизнь человека.

В таких измененных условиях ни в мире, ни в России прежние системы статистических показателей, работавшие на протяжении прошлого столетия, не могут удовлетворять нужды

управления территориями на всех уровнях, производством и реализацией товаров и услуг, не удовлетворяют потребности исследователей. Встали вопросы о том, как и что можно и нужно наблюдать в этих изменившихся условиях, что публиковать, что и как ставить под общественный контроль, о котором ранее не очень задумывались.

Этим обозначился новый этап развития статистики, который можно назвать этапом организации социального наблюдения, социального мониторинга, одним из основных инструментов которого становятся социальные индикаторы.

В литературе можно обнаружить множество различных описаний социальных индикаторов как таковых. Часть описаний из-за своего стиля воспринимается как определения. Таких описаний насчитывается более двух десятков.

Хотя возраст этих определений довольно велик — почти тридцать лет — современные определения в смысле точности и строгости очень похожи на этих «старичков». Вот один из типичных примеров такого современного описания: «Индикаторы— частичное отражение реальности, основанное на неопределенных и несовершенных моделях. Мы нуждаемся во множестве индикаторов, потому что у нас много целей— но многие цели могут пересекаться и выводить за пределы нации и культуры, а поэтому могут быть и пересекающиеся индикаторы.

Мы нуждаемся во множестве индикаторов, потому что у нас разные мировоззрения, а индикаторы помогут сблизить их. Индикаторы не обязательно должны быть совершенно объективными, и на самом деле лишь немногие из них таковы. Несмотря на трудности и неопределенность мы не можем управлять без индикаторов» [IndicatorsandInformationSystemsforSustainableDevelopment. <http://www.nssd.net/pdf/Donella.pdf>].

К сожалению, русскоязычные авторы не углубляются в такие тонкости или, во всяком случае, не видят большой разницы между понятиями «показатель» и «индикатор» и потому не считают нужным обсуждать проблему определения.

Нам же эта проблема представляется серьезной, требующей внимания, хотя, конечно, не надо настаивать на том, чтобы немедленно выработать такое хорошее и бесспорное определение. Тем не менее некое промежуточное определение понятия «социальный индикатор» мы дадим.

Это означает, что социальной характеристикой могут быть определенные множества значений подобных показателей, а не они сами по себе и не их отдельные величины.

Отсюда как будто бы следует, что соответствующее использование любого статистического показателя в описании социальной сферы и/или ее проблем превращает этот показатель в социальный индикатор. Если это так, то нет смысла искать определение понятия «социальный индикатор». Надо только очертить сферы применения показателей и уметь идентифицировать их принадлежность к таким сферам. Главную роль в таком случае играет не структура и сущность показателя, а сфера его использования. Тогда все внимание надо бы сосредоточить на понятии «социальная сфера», чтобы определить ее границы, отделяющие социальный мир от несоциального. Этот шаг представляется почти тривиальным — любая сфера мира, любой отрезок действительности становится социальным, как только в нем (на нем) появляется деятельность одного или нескольких людей или как только могут быть фиксированы какие-то события в качестве результатов деятельности людей.

С таким подходом вполне можно согласиться. Но он остается пока что слишком общим, абстрактным, универсальным. Поэтому мы предпримем попытку найти и сформулировать некоторые требования к показателям, по отношению к которым в публикациях уже принято название «социальные индикаторы». Мы выделим те главные предметы, которые сосредоточивают на себе внимание в измерении социальных индикаторов.

Однако конкретных показателей с названием «социальный индикатор» такое количество и они так разнообразны, что говорить о них вообще, абстрактно практически не имеет смысла, а перечислять и анализировать конкретные показатели невозможно.

Это множество не бесструктурное, и сама его структура вполне осмысленна, продиктована практикой применения, использования, исходной информационной базой, технологией построения и спецификой результатов. Структура множества индикаторов по этим основаниям поможет найти более или менее подходящее определение и будет способствовать лучшему

практическому использованию индикаторов.

Раздел 2. Социальные индикаторы: классификация и характеристика

Лекция 2. Социальные индикаторы и социальная статистика.

Цель – анализ организационных и научных основ документирования в научных исследованиях.

Задачи: рассмотрение типология, классификации индикаторов; их анализ; изучение нормативных основ и организационных основ применения.

Ключевые понятия/термины: научное исследование, индикатор.

«Превращение» широко известных статистических показателей в социальные индикаторы через их включение в социально-экономический контекст либо специальной модели, либо теории. Примеры подобных превращений – показатели социально-демографических изменений, соотношений темпов изменений ВВП, потребительского накопления, реального и располагаемого доходов и т.п.

Социальные индикаторы, не являющиеся предметом регулярной статистики: оценки бедности; подавляющее большинство индикаторов общественного мнения; рейтинги политиков, кандидатов в избирательных кампаниях, средств массовой информации и т.п.; оценки уровня культурного развития; оценки социального напряжения и конфликтности и другие.

Цели построения социальных индикаторов: оценка качества жизни (межрегиональные сравнения), межстрановые и межрегиональные сопоставления и рейтингование, оптимизация адресности социальной помощи малоимущим слоям населения, оценка социальной напряженности, уровня коррупции, социальной патологии, имущественной дифференциации населения для анализа и управления социально-политическим здоровьем общества и т.д.

Пожалуй, всеми признается, что благополучие людей и его изменения являются главными предметами социального наблюдения с помощью индикаторов.

Все сферы мира, а не просто сферы человеческой деятельности, подозреваемые в наличии связей с благополучием, в позитивном или негативном влиянии на его динамику, содержат объекты, характеристики которых измеряются с помощью социальных индикаторов. При этом речь идет всегда о благополучии не конкретного отдельного индивида, но групп индивидов. Такое объединение необходимо для выработки мероприятий по исправлению плохого положения или обобщения полезного опыта, для профилактики и принятия мер.

Очевидно, что никакое общество пока что не располагает богатством, которое позволило бы заботиться о благополучии каждого отдельного человека за счет средств социума, т. е., в настоящее время, — за счет налогоплательщиков.

Определенная ограниченность инструментов, средств требует как учета самих средств, так и оценки потребностей в них и затрат на способы, аппарат их распределения, мониторинг и т. п. Отсюда и возникает потребность в соответствующих измерениях и соизмерениях и в инструментах для этого, инструментах достаточно ясных, дешевых и эффективных.

Даже поверхностное беглое знакомство с перечнями социальных индикаторов, принятых в учете и публикациях стран Северной Америки, Западной Европы, и определениями индикаторов выявляет следующие их характерные особенности.

Разнообразие и количество предметов внимания бесконечно. Мы будем иметь дело только с теми событиями, ситуациями, фактами, отношениями, которые так или иначе влияют на благополучие людей или на оценку благополучия.

Но все же нетрудно заметить особенности в группировании предметов.

В центре внимания всегда оказывается множество характеристик благополучия. Выделяется два относительно условных типа характеристик благополучия: объективные и субъективные.

Объективные характеристики таковы, что они могут быть зафиксированы и измерены как бы со стороны, с помощью заданных и одинаковых для любого частного случая инструментов.

Любой специально подготовленный и добросовестный специалист или группа специалистов будут получать одни и те же результаты измерения в пределах известных ошибок и естественных

разбросов значений характеристик. Примеры таких характеристик: налогооблагаемые декларируемые суммы доходов, состояние окружающей среды, наличие питьевой воды, обеспеченность коммунальными удобствами, жильем различной комфортности, общественным транспортом, наличие средств массовой информации, уровень потребления разных продуктов питания, грамотность населения и отдельных групп населения, заболеваемость, в том числе и так называемыми социальными болезнями (СПИД, венерические заболевания, туберкулез), криминализация общества, распространенность наркомании, уровень бездомности, доля беспризорных детей, распространенность социального сиротства, уровень тяжелой инвалидизации, включая детскую, и т. д.

Субъективные характеристики благополучия оцениваются, измеряются собственно индивидами, субъектами благополучия.

В отличие от объективных субъективные характеристики не могут быть оценены сторонними наблюдателями или какими-то способами, инструментами (например, анкетами), которые гарантированно с некоторой ошибкой и известным разбросом дадут один и тот же результат измерения такой характеристики одного и того же индивида или группы индивидов. Результат измерения в таких случаях в значительной степени, а иногда и полностью зависит от характера взаимодействия условий измерения и объекта измерения.

В подобных ситуациях объект измерения (индивид или группа как единый объект) как бы раздваивается. Одна часть становится информантом, а вторая часть того же целого — носителем информации и ее создателем. Примеры таких характеристик: удовлетворенность местом работы, характером труда, оценка собственных потребностей и уровня их удовлетворенности во многих сферах, ощущение стабильности социальной среды, уверенности в собственном и социальном будущем, уровень доверия к различным элементам общества, ощущение consistency собственного социального статуса, оценка собственного физического и психического здоровья, оценка окружающей среды, в том числе социальной, ощущение личной и социальной безопасности и другие.

Каждая из таких характеристик, связанная с ощущением удовлетворенности, представляет собой некую шкалу оценок. Такие оценки выражают недовольство, неудовлетворенность, опасения, ощущения беды и т. п.

Многие из этих характеристик субъективными названы не потому, что они будто не существуют и не действуют объективно, отдельно и независимо от того, с кем они связаны. Их присутствие регистрируется и действие результативно.

Известно, что определенное психологическое состояние людей может обрушить рынок и, как следствие, — нанести огромный ущерб экономике. Оценка своего состояния не только одним человеком, но и большими группами как социально бедственного может иметь причиной и основанием так называемую относительную депривацию, т. е. в значительной степени ощущение, но не объективное существование ситуации социальной эксклюзии. Массовое ощущение беды, массовая оценка своего состояния как состояния беды действует не менее реально на умы и поведение, чем объективное бедствие.

Ввиду этого и субъективные оценки происходящего и оценки субъективного состояния указывают на формирование ситуации, которая может оцениваться и как источник благ и как источник бед.

Тем не менее каждая конкретная ситуация, отдельное событие, уже случившееся или предстоящее, с позиций достижения целей, тактических или стратегических, сиюминутных или отстоящих на большое время впереди, в восприятии людей обычно выступает как благоприятное, неблагоприятное, либо нейтральное или неопределенное. Восприятие может соответствовать, а может и не соответствовать действительному качеству ситуации. Но мы не будем здесь втягиваться в тонкие психологические и философские обсуждения проблемы объективного и субъективного, факта и его оценки. Отметим лишь, что неблагоприятные ситуации и события расцениваются людьми как беды, а благоприятные — как блага.

Для людей в высшей степени естественно избегать всего, что им грозит

бедой, несчастьем, бедствием, ухудшением ситуации, и искать блага и благоприятных событий для себя, своих близких, родных, для других людей. Насколько далеко простирается такая боязнь беды и стремление к благу за пределы своего времени и своей социальной группы, зависит от многих личных и социальных условий и характеристик. Но нам представляется вполне оправданным и правильным стремление людей и попытки узнать как можно больше о возможных бедах и благах, жизненно важным и нужным — умение оценивать текущие, прошедшие и возможные будущие ситуации именно с этих позиций.

Отсюда возникает и одно из главных требований к социальным индикаторам:

Социальные индикаторы должны быть связаны достаточно ясно с социальными благами и социальными бедами, которые могут быть зафиксированы объективно либо как всеми признаваемые факты, либо как всеобщие оценки и отношения.

В случае событий, всеми признаваемых как факты, мы имеем дело с объективными характеристиками. Они могут измеряться способами, вполне независимыми от событий и носителей информации.

Измерение субъективных характеристик, его результат, зависит от людей, которые производят эти измерения.

Тем не менее, состояния как результат социального наблюдения могут и должны фиксироваться вполне объективно, поскольку это делается либо автоматически каким-то инструментом, либо механически лицом, проводящим наблюдение.

Таким образом, в качестве опор определения понятия «социальный индикатор» мы устанавливаем: элементы благополучия в форме социальных благ и социальных бед; способ их измерения

Лекция 3. Международные стандарты систем социальных индикаторов

Цель – обзор международных стандартов систем социальных индикаторов.

Задачи: анализ различных подходов; характеристика стандартов.

Ключевые понятия/термины: стандарт, система индикаторов.

Системы ООН, OECD. Принципы построения, рекомендуемые международными организациями. Состав индикаторов. Индикаторы качества жизни. Индикаторы человеческого развития

Прежде чем пытаться измерить блага и беды, надо научиться идентифицировать их, т. е. найти признаки, которые помогли бы относить те или иные наблюдаемые феномены — явления, процессы — к благам или бедам.

Общепринятой методики идентификации благ и бед не существует, как не существует пока что и более или менее четких их определений. Тем не менее мы считаем возможным опереться на обобщенные представления о благах и бедах, разбросанных по литературе. Здесь, как и во многих других направлениях,

выделяются два подхода — объективный (нормативный) и субъективный (на основе оценки самоудовлетворенности)

Для нормативного подхода характерна опора на некое специальное представление о том, что полезно и что вредно, что может и должно вести к росту, а что — к падению благополучия. Подобное представление в литературе существует в различных формах — в (научно) сконструированных моделях потребления и жизни, в документах нормативно-правовой базы, в так или иначе легитимизированных, универсально (в том числе и общественно) признанных нормах и правилах потребления и вообще жизни.

Нормативный подход в оценке благополучия был всегда главным на территории бывшего СССР и остается главным в России сегодня.

В соответствии с таким подходом благом надо считать любые события, процессы, явления, ситуации, ведущие к росту и стабилизации нормативно определяемого благополучия, а бедами — события, процессы, явления, ситуации, снижающие и дестабилизирующие нормативно определяемое благополучие или препятствующие его росту.

Основная трудность заключается в фиксации нормативного определения.

Возможно, для краткости их лучше бы называть «нормативным» и «сатисфакционным» (от англ. satisfaction — удовлетворенность). При том, что существует несколько таких определений, сложно ответить, какое из существующих определений выбрать в каждом случае оценки. Например, уровень бедности может определяться для индивида некоторого возраста, пола, рода занятий, домохозяйства. Он будет разным для разных регионов, подвержен изменению во времени. Выбор конкретного уровня бедности в качестве критерия зависит от той задачи, которая подлежит решению то ли в формировании какой-то политической программы, то ли в разработке конкретных мероприятий, то ли для проведения сравнительных исследований в разных целях.

Не проще формирование и любых других нормативов, позволяющих идентифицировать нормальные ситуации, — для окружающей среды, личной безопасности, здоровья, пределы нормы грамотности, качества жилья и т. п. Но даже если вообразить себе фантастическую удачу — появление всех нормативов для «правильной» жизни, — тут же возникает серия не менее сложных задач. Необходимо будет ответить на вопрос, как оценивать жизнь в целом, когда условия жизни надо считать благом и с какого момента начинается беда.

Направление изменения благополучия — нормативное и оцениваемое — существенно зависит от того, какая модель изменения благополучия будет положена в основу такого определения. Хотя мало кто признает этот факт, но подавляющее большинство авторов печатных работ в качестве нормальной модели изменения благополучия использует известную пирамиду потребностей Маслоу

В соответствии с этой моделью все потребности делятся на базовые и потребности в самоактуализации. Базовые потребности начинаются с самых примитивных, физиологических. В соответствии с идеей пирамиды Маслоу вслед за возникновением и удовлетворением физиологических потребностей, после их удовлетворения (но не ранее), возникает потребность в безопасности — в безопасном окружении, стабильности и защите. После удовлетворения этих потребностей появляются потребности в любви и причастности — потребности в друзьях, детях, сочувствии, принадлежности к какому-либо сообществу и т. п. И только после удовлетворения этих потребностей человек начинает ощущать необходимость уважения, самоуважения, высокой оценки со стороны окружающих. Все эти потребности относятся к классу так называемых дефицитарных потребностей или D-потребностей. Индивид их ощущает, только когда они не удовлетворены, когда существует дефицит в их удовлетворении. Удовлетворенность по всем этим потребностям приводит к полному равновесию и исчезновению всяких мотиваций. D-потребности подобны инстинктивным и потому получили название инстинктиноидных. Неудовлетворенность этого класса потребностей представляет собой депривацию. Длительная же депривация приводит к стрессам и неврозам.

В представленной биографии Маслоу дано достаточно подробное описание основных результатов Маслоу в интересующей нас области. Как в известных народных сказках. Когда добру молодцу случалось попасть в дом бабы-яги, в ответ на ее расспросы молодец требовал сначала накормить его, напоить, в баню сводить, спать уложить, а потом уж с ним разговаривать. Народ издревле выделял дефицитарные потребности в особый класс. Логика удовлетворения массовых потребностей на основе этой доктрины проста: сначала надо человека напоить и накормить, создать условия для безопасного существования и сосуществования, для включения в общение и получения знаков признания и уважения. Если на этом восходящем пути встретятся препятствия в удовлетворении очередных более высоких потребностей, в результате депривации наступает стресс. Его устранение невозможно вплоть до удовлетворения потребностей.

Только после удовлетворения потребностей на этом уровне могут возникнуть потребности, следующие по уровню. И тогда возникает более высокая мотивация, стремление к самоактуализации, высокие достижительные мотивы. Поэтому оценка собственного бытия как полноценного, счастливого возникает лишь после удовлетворения базовых потребностей.

На основе такого подхода в первую очередь надо выяснять все про удовлетворенность базовых нужд. Базовые нужды в приведенной выше трактовке могут быть заданы как универсальные примерно на одном уровне для всякого индивида в зависимости лишь от его возраста и пола. Поэтому при нормативном подходе построение индикатора качества жизни не

требует выяснения ощущений тех, чья жизнь оценивается, но лишь определение наличия в их распоряжении средств и ресурсов для удовлетворения базовых (нормативных) потребностей.

Вопросы, выясняющие эти обстоятельства, мы обнаруживаем при построении социальных индикаторов практически во всех развитых странах. Те же обстоятельства в первую очередь выясняются и международными организациями при формировании социальных индикаторов для оценки жизни в развивающихся и бедных странах.

Видимо, такой нормативный подход оправдан в определенных случаях и для некоторых регионов, стран и определенных групп населения. Обратим внимание на то обстоятельство, что и в богатых странах статистика через социальные индикаторы интересуется удовлетворенностью базовых потребностей населения, идентифицируются те группы, базовые нужды которых с позиций нормативов удовлетворены не полностью.

Этот подход подвергается критике по многим направлениям. В частности, утверждается, что в нормальном человеческом бытии не существует такой жесткой последовательности, очередности возникновения усложняющихся мотиваций, и что потребность в самоактуализации и соответствующие мотивации скорее опережают все остальные. Известны примеры даже массовых самоубийств в ситуациях, когда людям окружающее их общество отказывало в возможности реализации определенного стиля духовной жизни при достаточно хорошем материальном обеспечении всех нужд.

Конкурирующая пирамида потребностей действительно появилась, ее автор — молодой психолог из Новосибирска. В этой пирамиде также существуют дефицитарные потребности в поддержании жизни, ее продолжении и т. д.

Но отрицается единственность вектора развития по ступеням удовлетворения потребностей. Человек и с не полностью удовлетворенными дефицитарными потребностями вполне может обладать высокими мотивациями и достигать больших высот в самореализации. Такими примерами история изобилует. Мы знаем пример - Вит Ценев. Этот молодой психолог осуществил мистификацию, придумав легенду о некоем американском психологе У. Тэлли, который якобы и предложил некое продолжение доктрины А. Маслоу. Мистификация была придумана и реализована В. Циневым еще в студенческие годы, изложена в курсовой работе. По признанию автора мистификации (в письме, написанном мне), преподаватель, прочитав работу, лишь покачал головой, ничего не сказал и поставил хорошую оценку. Весь текст довольно обширной и, несомненно, талантливой и интересной работы размещен в сети ИНТЕРНЕТ по адресу: www.psyberia.ru/mindterritory/tally00.

Героев и гениев, которые вполне сознательно и навсегда отказывались от удовлетворения как раз тех потребностей, которые, по доктрине Маслоу, обязательно должны удовлетворяться до того, как человек окажется способным к мотивациям более высокого уровня. Базовые потребности также считаются социобиологическими, но не обязательно удовлетворяемыми полностью. С этой точки зрения даже дефицитарные потребности взаимозаменяемы. Взаимозаменяемость, своеобразная эластичность всех потребностей и создает потенциальное множество векторов развития. Их начало вовсе не закреплено за какими-то определенными точками этого пространства. Разумеется, никакой нормативной модели потребностей и способов их удовлетворения на такой основе построить нельзя. Следовательно, если принять за основу эту доктрину потребностей, статистика должна иметь дело с субъективными оценками. При субъективном подходе главным критерием является удовлетворенность, ощущения тех, качество чьей жизни, чье существование оценивается. По этому пути также идет вся мировая статистика.

Некоторое продвижение в сторону субъективных индикаторов в России наметилось, но исключительно среди авторских и заказных индикаторов.

По существу, таковы все индикаторы, публикуемые службами исследования общественного мнения. Таких индикаторов много в академических исследованиях. Информационная база для подобных индикаторов существует в результате реализации проекта Российского мониторинга экономики и здоровья (RLMS) [Сваффорд, Косолапов, Козырева 1999]. Во всех случаях сложность использования как самих показателей в качестве социальных индикаторов, так и информационной базы для создания социальных индикаторов заключается в изъянах описания предлагаемых

результатов. В одних публикациях отсутствуют подробные характеристики информационной базы, в других — описание методик сбора информации, в третьих — алгоритмов расчетов и характеристик шкал, во многих публикациях просто приводятся результаты безо всяких характеристик, в форме процентных соотношений или количеств чего-нибудь в сопровождении содержательных выводов авторов.

Но подобный подход не допускает простого решения относительно идентификации благ и бед. Поэтому главным источником идентификации становится либо эксперт, либо непосредственно субъект, потребляющий блага, нуждающийся в них, оказавшийся в ситуации социальной беды.

Очевидно, что значительная часть событий, явлений и процессов может все же априори идентифицироваться как блага или беды на основе их легитимизации в этих качествах либо через законодательство, либо через общепринятые нормы жизни, бытия, на базе социального и всеми признаваемого правильным опыта, практики. Именно на подобной основе построена оценка качества жизни.

Подобный подход довольно типичен. Позитивные (в определенном смысле — полезные) процессы характеризуются буквально положительными в арифметическом смысле значениями соответствующих переменных. Негативные процессы (в определенном смысле — вредные, плохие) отображаются отрицательными величинами других специфических переменных. Это, разумеется, наивный буквализм — здесь и линейность как самое простое представление, здесь и отождествление скорее художественной метафорической оценки с арифметическим знаком.

2. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ (УКАЗАНИЯ) К ПРАКТИЧЕСКИМ ЗАНЯТИЯМ

Практическое занятие – это составная часть учебного процесса, групповая форма занятия при активном участии студентов; способствуют углубленному изучению наиболее сложных проблем дисциплины и служат основной формой подведения итогов самостоятельной работы студентов. На практических занятиях студенты учатся грамотно излагать проблемы, свободно высказывать свои мысли и суждения, вести полемику, убеждать, доказывать, опровергать, отстаивать свои убеждения, рассматривать ситуации, способствующие развитию профессиональной компетентности.

На первом практическом занятии студенты знакомятся с перечнем основной и дополнительной литературы по данной дисциплине, проводится беседа по организации учебного процесса. Тематика практических занятий выдается студентам заранее. Студенты самостоятельно готовятся по предлагаемым вопросам. После выступления студенту задаются дополнительные вопросы одногруппниками и преподавателем.

В процессе практического занятия заслушивается также дополнительный материал, подготовленный студентами, организуется дискуссия по заданной теме и ее отдельным вопросам, основной материал студенты записывают в рабочую тетрадь.

Практические занятия имеют целью оказать помощь студентам в усвоении наиболее важных и сложных тем курса, а также способствовать выработке у студентов умений и навыков. Для наиболее плодотворного проведения занятий студентам необходимо самостоятельно заранее (дома), до аудиторных занятий, изучить учебную литературу и подготовить краткие ответы на теоретические вопросы соответствующей темы. При подготовке к занятиям рекомендуется использовать конспекты лекций, учебники, методические указания по курсам, учебные пособия, которыми можно пользоваться и на практических занятиях. Особое значение имеют конспекты лекций, поскольку, учебная литература не успевает отразить его развитие, а на лекциях даётся самый важный и новый материал.

На практических занятиях заслушиваются и обсуждаются также доклады и рефераты студентов, подготовленные ими по соответствующим вопросам, согласованным предварительно с преподавателем.

Тематика практических занятий представлена в Рабочей программе.

3. МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Самостоятельная работа студентов является обязательной для каждого студента, а её объём определяется учебным планом. Формы самостоятельной работы студентов определяются содержанием учебной дисциплины, степенью подготовленности студентов.

Самостоятельная работа — одна из важнейших форм овладения знаниями. Самостоятельная работа включает многие виды активной умственной деятельности студента: слушание лекций и осмысленное их конспектирование, глубокое изучение источников и литературы, консультации у преподавателя, написание реферата, подготовка к семинарским занятиям, экзаменам, самоконтроль приобретаемых знаний и т.д.

Изучение дисциплины следует начинать с проработки настоящей рабочей программы, особое внимание уделяя целям и задачам, структуре и содержанию курса.

Студентам рекомендуется получить в научной библиотеке университета учебную литературу по дисциплине, необходимую для эффективной работы на всех видах аудиторных занятий, а также для самостоятельной работы по изучению дисциплины.

Теоретический материал курса становится более понятным, когда дополнительно к прослушиванию лекции и изучению конспекта, изучаются и книги. Легче освоить курс, придерживаясь одного учебника и конспекта. Рекомендуется, кроме «заучивания» материала, добиться состояния понимания изучаемой темы дисциплины. С этой целью рекомендуется после изучения очередного параграфа выполнить несколько простых упражнений на данную тему. Кроме того, очень полезно мысленно задать себе следующие вопросы (и попробовать ответить на них): о чем этот параграф?, какие новые понятия введены, каков их смысл?, что даст это на практике?

При организации самостоятельной работы студенты особое внимание должно уделяться анализу учебно-методической литературы по дисциплине.

Процесс организации самостоятельной работы студентов включает в себя следующие этапы:

1. Подготовительный (определение целей, составление программы, подготовка методического обеспечения, подготовка оборудования).

2. Основной (реализация программы, использование приемов поиска информации, усвоения, переработки, применения, передачи знаний, фиксирование результатов, самоорганизация процесса работы).

3. Заключительный (оценка значимости и анализ результатов, их систематизация, оценка программы и приемов работы, выводы о направлениях оптимизации труда).

Тематика заданий для самостоятельной работы представлена в Рабочей программе.